

Ланкин Вадим Геннадьевич, Селиванов Сергей Александрович

СОБЫТИЕ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ И ГОРИЗОНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются различные подходы к обоснованию категории смысла, среди которых выделяется трактовка смысла как феномена целостности в системных связях осознания. Этот подход в рамках феноменологической философии координируется с особой онтологией события - онтологией мира события, в рамках которой мыслится и сознание как событие образования смысла. Анализируется феномен вариантности смысла и обосновываются основные варианты смыслообразования, связанные с разными модусами мышления - рациональным, эстетическим и мистическим. Таким образом, демонстрируется перспектива построения теории сознания, весьма важной в условиях доминирования эпистемологического дискурса и экспансии когнитивных наук, склонных понятие сознания элиминировать.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 122-127. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Августин Блаженный.** О Граде Божием. Мн. – М.: Харвест; АСТ, 2000. 1296 с.
2. **Амвросий Медиоланский.** Две книги о покаянии // Амвросий Медиоланский. Две книги о покаянии и другие творения. М.: Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла, 1997. С. 45-94.
3. **Амвросий Медиоланский.** Слово на смерть Феодосия Великого // Амвросий Медиоланский. Две книги о покаянии и другие творения. М.: Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла, 1997. С. 170-185.
4. **Арнаутова Ю. А.** Тревоги повседневной жизни: болезни, представления об их причинах и лечении // Средневековая Европа глазами историков и современников. М.: Интерпракс, 1993. Вып. III. С. 101-122.
5. **Браун П.** Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М.: РОССПЭН, 2004. 207 с.
6. **Доддс Э. Р.** Язычник и христианин в смутное время: некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина. СПб.: Гуманитарная Академия, 2003. 320 с.
7. **Ле Гофф Ж.** Цивилизации средневекового Запада. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
8. **Ориген.** О началах. СПб.: Амфора, 2007. 464 с.
9. **Пантелеев А. Д.** Христианское мученичество: история явления и жанра // Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования / пер., коммент., вступ. ст., прилож. и общ. ред. А. Д. Пантелеева. СПб.: Гуманитарная Академия, 2017. С. 5-30.
10. **Пруденций Аврелий Клемент.** О венцах мучеников. II. Гимн в честь страдания блаженнейшего мученика Лаврентия; VI. Гимн в честь блаженнейших мучеников: Фруктуоза, епископа церкви Тарраконской, а также Авгурия и Евлогия, диаконов // Поэты имперского Рима: сборник / пер. с лат. Т. Л. Александровой. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 111-135; с. 172-179.
11. **Филострат Ф.** Жизнь Аполлония Тианского. М.: Наука, 1985. 330 с.

FROM FETISH TO POWER: CORPORAL DISEASES IN THE LATE ANTIQUE CULTURE

Kukso Kseniya Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
korsbai@mail.ru

The article is devoted to the central attitudes to corporal diseases that were formed in the late antique culture. The original content of one of such attitudes developed in the context of the early Christian anthropology is revealed. The bases of the tradition of healing by the tormented bodies of the Christian martyrs, their verbal and visual representations are analyzed. The consideration touches upon the temporal structure of the future openness actualized by the images of martyrs' sacrificial deeds.

Key words and phrases: late antiquity; physical pathology; corporal suffering; sacrifice; martyrs' help for the sick; healing.

УДК 130.12

Философские науки

В статье рассматриваются различные подходы к обоснованию категории смысла, среди которых выделяется трактовка смысла как феномена целостности в системных связях осознания. Этот подход в рамках феноменологической философии координируется с особой онтологией события – онтологией мира события, в рамках которой мыслится и сознание как событие образования смысла. Анализируется феномен вариантности смысла и обосновываются основные варианты смыслообразования, связанные с разными модусами мышления – рациональным, эстетическим и мистическим. Таким образом, демонстрируется перспектива построения теории сознания, весьма важной в условиях доминирования эпистемологического дискурса и экспансии когнитивных наук, склонных понятие сознания элиминировать.

Ключевые слова и фразы: смысл; смыслообразование; логика события; рефлексивная структура сознания; модусы мышления.

Ланкин Вадим Геннадьевич, д. филос. н., профессор
Томский государственный архитектурно-строительный университет
lankinvg@mail.ru

Селиванов Сергей Александрович, к. филос. н., доцент
Томский государственный педагогический университет
mezentseva9595@mail.ru

СОБЫТИЕ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ И ГОРИЗОНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ

Смысл – это ключевое понятие, столь же фундаментальное и объемное, как и понятие бытия. И от этого оно, вероятно, столь же трудноопределимо – то есть характеризуемо через что-то другое. Как бытие нельзя определить исходя из небытия, так и смысл нельзя определить исходя из бессмыслицы. При этом понятие *смысл* более фундаментально, чем деятельность (поскольку она берется как осмысленная), чем мышление (поскольку оно есть активность мыслей, то есть форм осмысленности), чем жизненный контекст (поскольку

в нем есть функциональная значимость, то есть смысл). И так же как понятие бытия, понятие смысла пронизывает собою все, правда, возможно, не все существующее, но, очевидно, все мыслимое. И если слово «бытие» можно употреблять в качестве вспомогательного глагола для включения в высказывание любых предикатов, так и смысл – это подразумеваемый фон всего, о чем мы высказываемся. Любой высказываемый контент подразумевает смысловое соответствие – он входит в систему смысла, «имеет смысл», то есть приобщен к связанной целостности мыслей. Это соответствие проявляется и как элементарная координация между означающим и означаемым, и как принадлежность к дискурсу осмысления в целом, задаваемым как акторами коммуникации, соизмеряющими смысловые координаты, так и сторонами автокоммуникации, стремящимися к расширению и объединению смыслового пространства. С этой «вездесущностью» смысла связана и категориальная трудноуловимость этого понятия. Само понятие *смысл* используется порой в разных смыслах. Мы предлагаем здесь не рассматривать смысл как некое сущее, а также не рассматривать его и как предикат, относимый к какому-либо сущему, а раскрыть это понятие как феноменальную структуру, складывающуюся в сознании, и, более того, в соответствии с предлагаемым подходом, образующим событие сознания и обнаруживающим, таким образом, структуру сознания.

Совокупность рассматриваемых вопросов и аргументов этой статьи связана с проблемой смысловой вариантности сознания – вариантности не просто форм мышления, способов символизации и модусов осознания, образующих системное целое культуры, но вариантности смысловых оснований таких форм и способов, понятой как разветвление единой логики смысла. В собственно методологическом аспекте эта проблема связана с возможностью идентификации опыта осознания в его типологической полноте, не ограничиваемой парадигмой познания и выходящей за рамки рационального способа смыслообразования. Это проблема рационального обоснования культуры в ее смысловом многообразии, включающем и внерациональные модели опыта осмысления. Это проблемы выделения единых оснований смыслообразования, вариантами которой и предстали бы разные формы мышления и опыта культуры. С другой стороны, это теоретическая проблема феноменальной структуры сознания как события смыслообразования.

В своей мозаичности и пестроты и в то же время в своей характерной интегративной динамике современная культура сталкивается с особой методологической трудностью – с проблемой смыслового многообразия. Это многообразие способов мышления и, более того, типов и сфер активности сознания, между которыми в полном и подлинном смысле не чувствуется логических переходов: С позиций разума нельзя, строго говоря, ни верифицировать, ни опровергнуть поэтическую мысль или истину веры. Но нельзя и отвергнуть эти смысловые величины, как нельзя, рассуждая обратным образом, отвергнуть или опровергнуть мотивы разума с позиций веры или эстетики.

Но при этом любое исследование в области эстетики, искусствознания, а также изучения религиозного сознания, которое, как представляется, нельзя уложить в понятия религиоведения, а также в целом исследования в области культурологии всегда сталкиваются с проблемой координации логико-смысловых установок разума, с одной стороны, и особой смысловой организованности эстетического, мистической интуиции или нравственного чувства – с другой. Более того, в своих глубинных методологических поворотах такие исследования фактически всегда восходят к решению проблемы соотносимости, соизмеримости двух или более различных способов данности опыта, двух систем артикуляции и понимания мысли; наиболее сложные вопросы здесь – вопросы неадекватности или недостаточности интерпретации специфичного опыта осознания одного типа с помощью средств другого типа. При этом неверно говорить здесь только о лингвистической транскрипции – о переводе одной языковой системы мышления в категории и понятия другой. Здесь надо вести речь именно об ином способе данности смысла, об ином смысловом складе. Здесь надо ставить проблему вариантности смысла: для того чтобы установить координацию между принципиально различными, по-разному организованными феноменами, надо выделить некоторый тезис единства между способами их данности и затем искать в поле этого единства аспекты и проявления спецификаций. Таким общим основанием для различных смысловых матриц, очевидно, как раз и может выступить категория смысла. Но она не должна для этого браться в качестве абстрактной универсалии, под которую можно подвести любой ментальный эффект, она должна раскрываться как основание конкретного события смыслообразования – события, складывающегося в качестве модели системного преобразования бытия и конституирующего феноменальные поля специфических значений. И установление единства между разными модусами мышления надо проводить на уровне смыслообразования как события, имеющего вариантно складываемую структуру и вариантно проявляющуюся данность. Нельзя сбиваться на интерпретацию феноменально-смыслового плана одного типа с помощью другого, при которой была бы произведена его смысловая редукция.

Так, понятая проблема смыслообразования – это одновременно и проблема создания единой теории сознания как образования смысла, вскрывающей базовые основания внутренней организации данности опыта, эффектами которой и предстали бы смысловые феномены, смысловые поля различной модальности. Это проблема феноменальности смысла как таковой, лежащей в основе всех производных феноменов осознания. Это проблема создания единой теории сознания как вариантного в своем складывании смыслообразования, лишь частными приложениями которой стали бы теория познания, ориентирующаяся на смысловые стандарты научной рациональности, эстетика, этика и особая теория мистического сознания, продолжением которой стала бы теория мышления как деятельности, осуществляемой в формах выражения и понимания смысла; развертыванием которой стала бы теория культуры как опыта и текста осознания, точнее даже – теория культур разных типов [4].

Феноменологический аспект необходимо должен быть дополнен здесь онтологическим: сознание выступит в таком методологическом ракурсе не как отражение (познание), не как аксиология (воля) и не как аксиоматика

(вера), а как событие, происходящее в самом бытии – как его смысловая реорганизация – как структура обретения бытием смысла. Но понятие рефлексии здесь обретет особое значение – оно будет пониматься как фундаментальная структура отнесенности сознания к себе как целому, благодаря которому и происходит явление смысла и в котором тем самым неосмысленное до этого бытие обретет новый уровень системной связанности. Рефлексия будет пониматься не столько как *отражение*, со всем множеством отсылающих значений, сколько как *встреча*, принципиально закладывающая модус образования целостности, или, лучше сказать, как *складка*, принципиально вносящая в онтологический контекст структурность события.

Таким образом, здесь открывается путь построения рефлексивно-смысловой теории *субъектности* человеческого мышления и деятельности, позволяющей говорить о человеке не просто как о самоопределяющем существе, но и как о самоустанавливающем событии. Именно сознание – не разум только, не открытие, не бессознательное, не прагматика, не социальные структуры и не социальные технологии, а сознание в его событийной специфике – оказывается тогда основанием специфически человеческой деятельности. И основания этой деятельности тогда в принципе несводимы ни к гносеологическим установкам освоения мира, ни к игровым стратегиям реализации свободы, ни к ценностным установкам нравственно-религиозного типа, ни к операциональной прагматике, ни к бытийным обстоятельствам – условиям, от которых зависят и возможности осуществления этой деятельности, но восходят, прежде всего, к событию смыслообразования как таковому. Это путь выхода субъектной саморефлексии на уровень непосредственно вскрываемой имманентной структуры самоопределения субъекта, представленной смысловой феноменальностью сознания. Это рефлексия не только об *условиях возможности* человеческого существования и деятельности, но и о *структуре способностей* его творчески-смыслового созидания в мире.

Но прежде чем говорить о вариантности смысла, надо обратить внимание, что само понятие смысла не является в условиях современного научного дискурса строгой философской категорией. Оно претендует во многих своих употреблениях на статус универсального основного понятия, теряя характерную для статуса категории функцию различения. Будучи противопоставляемым нонсенсу, понятие смысла оказывается либо абсолютно позитивным полюсом в сфере свершающегося и осознанного, либо – негативным символом репрессивности разума по отношению к чувству и спонтанному действию. Оно становится похожим на всеобъемлющее понятие бытия, которое имеет лишь оппозицию полной инаковости в понятии небытия, оставаясь при этом универсальным, абсолютным, а потому пустым понятием. Другая крайность – отождествление смысла с логосом рации: здесь поле понятия неоправданно зауживается, приводя к искажениям и охарактеризованной выше редукции опыта культуры к рациональному подтексту, к элиминации внерационального как неадекватного кода интерпретации реальности, пользоваться которым практически можно, но доверять которому нельзя. Кроме того, понятие смысла употребляется, как это ни иронично звучит, в разных смыслах. В таких обзорах, которые были предприняты Р. И. Павленисом [9], Г. Л. Тульчинским [11], характеризуется обширный спектр подходов в использовании понятия «смысл». Проблематизирующая систематизация таких подходов дана и в работе соавтора этой статьи [5].

Как интерпретировать категорию смысла для того, чтобы использовать ее в качестве основания для анализа вариантной организующейся структуры сознания и складывания форм мышления, для построения на основе вскрытия такой структуры теории сознания в его имманентности и модальной полноте? Следует ли опознать смысл как эффект понимания языковых выражений и текстов (как это понятие используется в рамках герменевтики)? Или его надо определить как критерий фактуальной отсылочности высказываний, в противовес формальной конструктивности логических предложений, которые оказываются при этом бессмысленными (какую нагрузку несет понятие смысла в аналитической философии)? Или смыслом можно считать суммарный результат и предвосхищающий мотив целесообразной организации субъектной деятельности, спроецированный на фрагменты ее осознания (как применяется понятие смысла в прагматических и праксеологических и психоаналитических философских теориях)? Или же смысл надо представить как феномен особого рода целостности, образующейся собственно в результате осознания как складывающегося события и в связи с этим распространяемую на складывающиеся события вообще?

Смысл в избранном нами понимании – это, прежде всего, собственная внутренняя характеристика осознания как складывающегося целого, поскольку оно есть образование новой целостности в рефлексивном поле сознания. Это тогда сама смысловая свершенность осознания, задающая, таким образом, и возможность своего истолкования, открывающаяся, а отнюдь не рождающаяся в структурах его выражения и понимания, артикуляции и истолкования.

Это структура, несводимая к координации высказывания с реальностью в ее атомистически-фактуальном виде (аналитическая философия – на основании терминологии Г. Фреге [12]) или знака с означаемым (Ж. Делез [3]), хотя действительно он придает коммуникатам характер знаков и одновременно прямым отсылкам-указаниям – характер феноменально связанных опосредующих значений. Значение производно от смысла: связи, соответствия и отсылки отношений обретают характер значений только в некоторой системе смысла, где они предстают тогда как стороны этого целого – значения в этом смысле. Смысл, таким образом, – это система координат, в которой только и возможны значения. Значения, таким образом, например, такие, как значения фактуальной отсылочности понятий или высказываний, никак не могут оказаться основанием смысла – они могут только быть встроены в систему смысла, представ в ней, в частности, как значения денотации.

Смысл – это феномен целого. Он как феномен отображается сторонами, участвующими в образовании этого целого – обретается как смысл бытия и одновременно как смысл осознания, дает ответ осмысленности всем значениям, собственно от этого и образующим информационный слой явлений, отличный от прямых связей субъекта с реальностью или элементов реальности друг с другом. Но смысл таков постольку,

поскольку событие есть данность сторон, в которой может проявиться и данность целого. Смысловая «реальность», таким образом, – это феноменальность, открывающаяся в событии, поскольку это событие способно не только сложиться, но и рефлексивно отобразить себя. Смысл – это не функция и не индекс действующего субъекта с его онтологической ситуацией или его потребностями, на чем привычно настаивают некоторые авторы [7; 13], а категория, устанавливающая событийное складывание субъектности как таковой.

Предложенный вариант рассмотрения категории смысла ведет к выделению структурно-феноменологического ракурса – как метаонтологического, так и метагносеологического и металингвистического. Ракурса обнаружения структуры складывания смысла, которая не сводится к онтологическим диспозициям, а сама есть принципиальная структура события как целого; которая не сводится к гносеологическим дефинициям (равно как и к дефинициям эстетическим или мистическим), а сама есть принципиальная структура появления этих горизонтов и функций у сложившегося смыслового события; которая не сводится к отсылающим структурам языка, а сама есть базовая структура смысла – для выражения посредством языка. Структура смыслообразования – это именно структура феноменальности, поскольку все выделяемые в ней элементы и связи актуальны именно в аспекте данности целого – в аспекте имманентной открытости события осознания.

Данный подход нетривиален для феноменологической традиции, поскольку в этой традиции, восходящей к Э. Гуссерлю, смысл практически идентифицируется с осмысленным содержанием (ноэмой), то есть с являющимся значением. Структура же осмысляющего (ноэза) события остается в своих основаниях трансцендентальной – не феноменальной, будь то заданная структура предметной интенциональности сознания или структура координируемой intersубъективности. Ноэтическая структура, с одной стороны, задает, конституирует предметную направленность субъективного внимания, то есть, таким образом, устанавливает способ осознания. А с другой стороны, она ведь и сводится здесь к структуре предметного внимания. То есть осмысление, таким образом, задано таким свойством субъекта, как его неизбежная нацеленность на предметное (феноменальное) содержание, исходящая из трансцендентальной оппозиции ему. Это осмысление, происходящее по одной единственной, неподконтрольной самому субъекту модели. Это понимание субъекта как отношения, а не как структуры.

Онтология события как присутствия и существования (экзистенциализм) открыла действительную возможность выхода к смысловому событию в его имманентности – к феноменологии события, порождающего бытие. Само сознание перестает мыслиться здесь как онтологическое свойство (атрибут) метафизического субъекта, а под смыслом перестает пониматься заданное качество или заданная структура субъектности. «Под всеми приложениями слова “смысл” мы обнаруживаем, – пишет М. Мерло-Понти, – то же фундаментальное понятие бытия, ориентированного или поляризованного на то, что оно *не есть*, и мы, таким образом, все время возвращаемся к пониманию субъекта как эк-стаза». При этом «исторический смысл имманентен межчеловеческим событиям и столь же хрупок, как и они» [8, с. 36]. Это «смысл, не являющийся ни вещью, ни идеей, поскольку он есть модуляция нашего сосуществования» [Там же, с. 40]. Здесь, возможно, уже предчувствуется выход за пределы «интенциональных актов» чистого «я», в пределах которых помещалась вся гуссерлианская феноменология. А в экзистенциально-феноменологических учениях Ж.-П. Сартра [10], М. Бубера [2], Э. Левинаса [6] уже описываются альтернативные элементные феномены возможной имманентной структуры смыслообразования – «Другое», например, Другое в сопоставлении с Моим в феномене «Ты». Феномен открытого эстетического события смыслообразующего взаимопонимания *другого своего* и *своего другого* – автора и героя – раскрывается в характерной этике и эстетике М. Бахтина [1], имеющей в своей основе подход к сознанию как феноменальному событию, имеющему свою по-особому и по-разному складывающуюся имманентную структуру. Системное же соотнесение таких феноменов при анализе феноменальной структуры смыслообразования позволяет создать теорию сознания как имманентно-саморефлексивного события, выявить исчерпывающие структурные дефиниции образования смысла как явления целого в складывании такого события. А приложение этой теории позволяет внести систематическую строгость в *объяснение смыслообразующего строения (устройства)* форм мышления, в выделение типологических модальностей и классификацию типов культуры. Но главное, это дает возможность мыслить сознание как таковое – без опосредования гносеологической оппозицией, онтологическими обстоятельствами жизни агента-носителя этого сознания, без опосредования биологическими, химическими и анатомическими свойствами этого носителя – в качестве чистой структуры – структуры смыслового события. Эта структура не производна, а, напротив, конститутивна по отношению к получению опыта, который складывается в процессе осмысления бытия, по отношению к созданию языка выражения этой осмысленности, равно как и логики ее понимания – то есть по отношению к формам мышления, по отношению к структурам социальности, организованным по принципу понимающей коммуникации. Сознание становится возможно мыслить в качестве структуры, имманентно-событийно (активно) программирующей условия получения такого опыта, будь это опыт рационально-познавательного, эстетического или мистического типов. Это позволяет описать сознание как смыслообразование с логической строгостью модели, подлежащей дальнейшей формализации. Это дает возможность выделить смыслообразование в качестве необходимой инстанции, определяющей способ осознания и субъектный тип деятельности, запечатляемые в артефактах и текстах культуры – инстанции, существенно дополняющей те измерения, которые могут быть выявлены психологией когнитивно-эмоциональных процессов и гуманитарной текстологией, занимающейся прояснением выражения и понимания мысли.

В основе такой теории лежит структурно-феноменологический подход, направленный на раскрытие собственной структуры смысловой явленности целого в имманентном поле осознания. Отправной же позицией, позволяющей получить такого рода (структурированную) теорию, способен выступить тезис о вариантности явления целого – то есть о вариантности феномена смысла. Складываемость события в системную целостность способна проявиться в трех аспектах, сфокусироваться тремя способами: 1) относительно некоторой

элементарной стороны, вступающей в событие и организующей это событие вокруг себя, овладевая им (или хотя бы ощущающее событие так, как будто оно организуется вокруг этой стороны, оказавшейся самоидентичным субъектным центром); 2) относительно возникающей здесь системы высшего порядка, в новой целостности которой тонут элементарные стороны актуального события, ощущая при этом, что смысловой центр их собственной осмысленности – Другое; 3) по отношению к самому событийному складыванию, в котором как в открытом, незавершенном процессе сказывается рождающееся целое, при этом переживаемое как открытое событие и как насыщаемый смыслом процесс, в котором, взаимодействуя, интегрируются свое и другое. Отсюда смысловая явленность целого в имманентном поле осознания предполагает три варианта способа: 1) это феномен результата актуального *освоения* системного события (реализованного или только предвосхищаемого); 2) это нацеленность события на складывание более высокого смыслового порядка, отображаемая всеми его сторонами как их *предназначение*; 3) это само открытое отношение складывающегося события, наполняемое смысловым потенциалом, само *появление* смысла.

Именно варианты явленности смысла и лежат в основе элементарных мотивов смыслополагания: а) *самодоминантности (эгоцентричности) смысла* – полагания системообразующего центра осмысления в актуально-субъективном «я» («все имеет смысл, поскольку имеет отношение ко мне, входит в круг моего, освоенного»). Характерный горизонт постижения здесь – надежно предсказуемая предметность, распространяемая на сложившуюся реальность мира; характерный ценностный горизонт – освоение-обладание; б) мотив *другодоминантности смысла* – полагания центра осмысленности в проступающем сквозь переживание системообразующем Другом («Все имеет смысл, поскольку приобщено к Другому, который ощущается как подлинный субъект смыслообразования вне меня – за актуальным состоянием мира, из которого миру предстоит выйти, обретая смысл»). Я сам в этом плане – на смысловой периферии; не я выношу здесь суждение, а, напротив, надо мной вершится суд. Характерный постигающий горизонт здесь – мистический образ вероятного (доступного вере) грядущего; характерный ценностный горизонт – священное; в) мотив *континуально-событийной координированности* смыслополагающих центров. И «я», и «другое» расплавлены здесь в «ином» их интимно-смыслового (субъект-субъектного) общения и взаимного узнавания-предчувствия-удивления, в отношении их позиционной инверсии, эмпатии, превращающей это «иное» в потенциально-смысловую континуум выражения и понимания смысла. Характерный постигающий горизонт здесь представлен игрой возможных смысловых перспектив; характерный ценностный горизонт смысла – спектром эстетических категорий.

За этими смыслообразующими мотивами нетрудно угадать характерные высшие чувства человека – чувство познающего самоутверждения, нравственную, а в пределе – жертвенно-мистическую – интуицию совести и веры и эстетическую форму осознания с ее спонтанно возбуждающим игровым потенциалом, с ее виртуальной дистанцией по отношению к реальным фактам – онтологическим свершенностям.

При этом и сами базовые смысловые (смыслополагающие) феномены – «я» рациональной эгоцентрики смыслообразования, «другое» как смысловой центр мистического и нравственного осознания и открытое потенциально-смысловое отношение, пропитывающее «иное» выражения мысли (принимаемые традиционно в качестве трансцендентальных отправных координат в рассуждении о сознании), – обретают структурно-феноменологическое обоснование. Событийная структура субъектности – структура целостного самоопределения – имманентно открывается здесь как рефлексивная структура сознания – как структура появления смысловых полюсов и, соответственно, смысловых горизонтов – как структура феноменального складывания смысла.

Эта базовая феноменальность рефлексивно-смысловой структуры сознания проявляется затем в феноменально-смысловой сложности способов и форм мышления, основывающейся на взаимоподдерживающей конструктивной связи структурных элементов смыслообразования. Таким образом, включаются конструктивные механизмы образования трех основных способов осознания: *рационального, мистического и эстетического*, – разветвляющихся в трех соответствующих основных типах мышления, сформировавшихся в развитии культуры. Эти типы мышления, в свою очередь, организуют непосредственный коммуникативный материал в сложные языковые системы, выражающие смысл и подлежащие логической аналитике – в каждом типе своеобразной, – направленной на понимание смысла. При этом в каждой форме и в каждом способе мышления можно проследить специфическое действие всех трех базовых феноменов смыслообразования, интегрированных в конкретной структурной зависимости – при смыслообразующей доминанте одного из них.

Итак, представленный здесь структурно-феноменологический подход к событию смыслообразования, лежащему в основе структуры сознания, состоит в выделении вариантной структуры феноменальных горизонтов смысла как явления целого в событии осознания и далее в прослеживании интегральной структуры взаимодействия этих элементарных смысловых полюсов, которые образуют первичные модусы смыслополагания и выступают затем в качестве структурных элементов для смыслообразующих конструкций – при организации языковых и логических форм, установлении способов и типов осознания и создании текстов культуры. Благодаря применению такого подхода удастся раскрыть имманентную структуру сознания – структуру вариантных субъектно-смысловых позиций, лежащую в основе различных способов осознания и присущих им форм мышления, – и тем самым выявить логику образования типов мышления, логику организации свойственных им форм и средств выражения и понимания смысла. Удастся по-новому, более строго логически описать основные модели активного взаимодействия различных линий мышления в культуре и выстроить на этой основе логику систематизации типов культуры как текста осознания. Иначе говоря, удастся построить единую теорию сознания, частными случаями которой выступают классические гносеология, эстетика и трансцендентальная этика и приложением которых могут служить теории символических форм культуры и культурогенерирующих структур выражения и коммуникации.

Опираясь на событийно-онтологическую и структурно-феноменологическую теорию сознания, категория культуры обретает желанный фундамент специфичности – возможности отличить ее от технологии (к каковой ее порой стремятся свести сегодня не только в теории, но и на практике). Культура предстает тогда как опыт и текст осмысления, начиная противостоять технологии как искусственной системе адаптации человека к естественным или социальным условиям; она предстает как творчески-смысловой космос, несводимый к миру искусственности, который может выступать и адаптирующим продолжением естественности.

Список источников

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1989. 256 с.
2. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1997. С. 16-188.
3. Делез Ж. Логика смысла. М. – Екатеринбург: Раритет; Деловая книга, 1998. 480 с.
4. Ланкин В. Г. Феноменальность смысла: философско-методологический анализ: дисс. ... д. филос. н. Томск: ТГПУ, 2003. 402 с.
5. Ланкин В. Г. Явление смысла. Эстетизм и логос. Томск: Издательство ТГПУ, 2003. 425 с.
6. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М. – СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
7. Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 2003. 488 с.
8. Мерло-Понти М. В защиту философии // Мерло-Понти М. В защиту философии. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1996. С. 6-47.
9. Павленко Р. И. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983. 286 с.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2000. 639 с.
11. Тульчинский Г. Л. Проблемы осмысления действительности: логико-философский анализ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 175 с.
12. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика: сб. статей / под ред. А. И. Михайлова. М.: ВИНТИ, 1977. Вып. 8. С. 181-210.
13. Чупахин Н. П. Математика и философия смысла культурного мира. Томск: Изд-во ТГПУ, 2004. 156 с.

THE EVENT OF SENSE-FORMATION AND THE HORIZONS OF CONSCIOUSNESS THEORY FORMATION

Lankin Vadim Gennad'evich, Doctor in Philosophy, Professor
Tomsk State University of Architecture and Building
lankinvg@mail.ru

Selivanov Sergei Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Tomsk State Pedagogical University
mezentseva9595@mail.ru

The article considers various approaches to the substantiation of the category of sense, among which the interpretation of sense as a phenomenon of integrity in the system links of awareness is singled out. This approach within the framework of phenomenological philosophy is coordinated with a special ontology of the event – the ontology of the event world, within which consciousness is also considered as an event of sense-formation. The phenomenon of variability of sense is analyzed and basic variants of sense-formation, connected with different modes of thinking – rational, aesthetic and mystical – are substantiated. Thus, the prospect of constructing a theory of consciousness is demonstrated, which is very important in the context of the dominance of the epistemological discourse and the expansion of cognitive sciences inclined to eliminate the notion of consciousness.

Key words and phrases: sense; sense-formation; event logic; reflexive structure of consciousness; modes of thinking.

УДК 7.08

Искусствоведение

В статье рассматриваются малоизученный в современном театроведении феномен «сочиненных спектаклей» и проблема их взаимодействия с традиционными формами драматического театра на примере трех спектаклей петербургского Театра Поколений: «Лампочка», «Стол» и «Питер-Вирг». На основании критических отзывов и опыта личного участия автора в этих работах дается характеристика каждого спектакля, проводится сжатый анализ способов работы над «сочиненными спектаклями» и их влияния на развитие Театра Поколений.

Ключевые слова и фразы: режиссура; современная режиссура; Театр Поколений; Зиновий Корогодский; Данила Корогодский; Эберхард Келер; современная драматургия.

Левитский Валентин Глебович, к. искусствоведения
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
valentin-levitsky@yandex.ru

**«СОЧИНЕННЫЕ СПЕКТАКЛИ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
РЕПЕРТУАРНОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА. ОПЫТ ТЕАТРА ПОКОЛЕНИЙ**

Ни для кого не секрет, что в сегодняшней картине русского театра существует такая тенденция, или, вернее сказать, традиция, как текстоцентризм, внутри которой находится девяносто процентов театрального